

Ест. А-17173

4А

RAAMATUKOGU

117927

6652A

Приват-доцент

В. Преображенский

TARTU ÜLIKOOLI
RAAMATUKOGU

„Боюсь Единого, Живущего на небесах...“ (памяти патриарха-мученика)

Немногим больше, чем 3 столетия с четвертью тому назад, умер голодной смертью в Москве, в каменном подвале Чудова монастыря, первосвятитель всея Руси — патриарх Гермоген (Бермоген). Такая необычайная кончина главного архипастыря сама по себе свидетельствует о чем то неладном, творившемся тогда в самом сердце Руси. И, действительно, в Москве белокаменной распоряжались чужие люди — поляки и русские, их пособники — предатели отчизны. Вся западная часть государства была захвачена иноземными врагами, а на остальном его пространстве повсюду царил измена, малодушие и отчаяние..

В лице митрополита Казанского Гермогена на Московский патриарший престол в 1606 году вступил человек, обладавший необходимыми для этого страшного времени качествами. Он сочетал с духовной зоркостью, позволявшей ему правильно разбираться в окружающей его обстановке, непоколебимую твердость в непреклонном стоянии за истину и верность, даже до

смерти, родным заветам. Для русского народа такие „прямые“ были и остаются живым доказательством, что с Богом нет ничего страшного, что ложь и насилие — пусть мнят себя победителями, являются обреченными на гибель и что тем скорее засияет правда — солнышко, чем больше будет людей, готовых служить ей — до конца!

Та страшная беда, которая известна в нашей родной истории под именем „Смутного времени“, не была полной неожиданностью даже для наиболее наблюдательных современников. Правление Грозного с его опричиной потрясло страну, истощило ближайшие к Москве области, вызвало отлив населения на окраины и даже за рубеж — в „дикое поле“. Но еще хуже было то, что своим положением в отечестве стали недовольны чуть ли не все русские люди того времени. Одни (бояре) жалели старину, когда они правили совместно с царем, другие (средние классы), жаловались на все растущие хозяйственные трудности, третьи (крестьяне) стра-

с 4844909x

дали от стеснений перехода и других условий складывавшегося тогда общественного строя. Однако, самое худшее заключалось в том, что правление Ивана Грозного воспитало в людях пренебрежение правдой. Св. митрополит Филипп, запечатлевший свой жизненный путь мученической кончиной, был, как бы, последним предостережением, посланным свыше, чтоб своим смелым заступничеством пред царем за попираемую в государстве правду, остановить, пока не поздно, катившуюся к пропасти Русь!

Когда умолкает в сердце голос правды, что значат для человека вера Христова, свой родной народ, благо и жизнь ближнего?!

Нужен был маленький толчок, чтобы сбившаяся с пути Русь стала на путь братоубийственной войны. Таким толчком, от которого русская жизнь легко вышла из привычной колеи, и послужил ряд смертей в царствующем доме: убийство самим Иваном Грозным своего старшего сына Ивана (1582 г.), загадочная кончина царевича Дмитрия в Угличе (1591 г.), наконец, смерть последнего сына Грозного — царя Феодора Ивановича, с которым пресеклась правящая династия (1598 г.). Сюда же можно отнести и внезапную смерть нового царя Бориса Годунова, окончательно открывшую самозванцу дорогу в Москву (1605 г.)! К своим „ворам“, как звали тогда преступников вообще, не замедлили пристать и заграничные, и пошла по Руси, при содействии поляков и шведов, иезуитов и папы, такая смута, что от нее едва не погиб русский народ.

Понятны нам те чувства растерянности, какие охватили современников этой общей разрухи, этого грозного лихолетья. Людям казалось, что гибель Руси неминуема, неизбежна, неотвратима... Как не потерять тут головы, если пошатнулось в сердце живое, спасительное чувство — веры и правды Христовой! И томились, томились злым унижением далеко не худшие русские люди... А худшие? — Те торопились использовать время для своих выгод... Одни из них пробирались к власти, добываясь ее всякими „правдами“ и неправдами, другие грабили и убивали, третьи торговали своею совестью, предлагая свои услуги тем, кто больше даст. Последних едко, но метко, прозвали „перелетами“.

В такую то годину нравственного упадка и гнетущей растерянности возвысил свой голос патриарх Гермоген...

Хорошо владевший словом и пером, уже при первом самозванце показавший себя стойким ревнителем веры и благочестия, (он требовал перехода „царицы“ в православие!), патриарх стал звать русских людей на борьбу с властью, нарушавшей свои обязательства к народу и враждебной православию. „Забываясь об охранении православия, он тем самым являлся твердым охранителем и национальности... Он прекрасно видел, что влияние католической Польши не ограничится сферой государственной, но непременно перейдет и в церковную. В Москве знали унию 1596 года... С трудом допустив выбор на царство католика (с непременным условием принятия им православия), видя затем, как ведет себя Сигизмунд (король польский, отец

избранного на Московский престол королевича Владислава), и в будущем ожидая постоянных злоупотреблений со стороны поляков... патриарх Гермоген... не стеснялся благословлять народ на восстание против поляков" (проф. С. Ф. Платонов). И голос из заточения патриарха-страдальца был услышан... Первым откликнулся Нижний Новгород. „А вам всем от нас благословение и разрешение в сем вѣце и в будущем, что стоите за веру неподвижно, а я должен за вас Бога молить“ — так писал патриарх в своем предсмертном послании нижегородцам. Эта грамота, написанная в августе 1611 года, послужила толчком к великому религиозно-националь-

ному делу, во главе которого встали люди глубокой веры, железной энергии, большого практического ума и неподкупной честности— Козьма Захарьевич Минин и князь Димитрий Михайлович Пожарский... Донесясь и до заточенного патриарха весть о народном ополчении, шедшем по его зову на освобождение Москвы. „Да будет над ними милость Божия и благословение от нашего смирения“ — сказал мужественный первосвяtitель врагам Руси в ответ на их требование остановить народное движение... 17 февраля 1612 года патриарха не стало...

Через 9 месяцев с небольшим русские войска с торжеством вступили в Московский Кремль.

III

A-3645

117 927

Издание газеты «Путь Жизни»

„Tähe“ trükk — Petsaris 1937.